

Герман Гессе
МАГИЯ КНИГИ

Эссе о литературе

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

«В ЭТОТ КРАЙ Я СНОВА ВОЗВРАЩАЮСЬ...»

В 1945 году Герман Гессе писал: «Область всемирной литературы, что посещал я в течение моей жизни чаще и узнал лучше прочих, – это литература Германии, бесконечно далекой от нас сегодня, да пожалуй, уже ставшей легендой Германии 1750–1850 годов, столетия, центр и вершину которого являет собой Гете. В этот край, где не подстерегают меня ни разочарования, ни сенсации, я снова и снова возвращаюсь из всех путешествий по древним временам и дальним странам, возвращаюсь к поэтам и писателям, авторам писем и биографий, ибо все они – истинные гуманисты, и вместе с тем почти все они были верны духу своего народа и своей земли».

И с этим волшебным краем, и с древностью, и с далекими от Европы областями всемирной литературы Гессе был неразрывно связан всю жизнь не только как писатель, и не только как страстный книголюб, но в значительной мере и как рецензент, автор очерков, вступительных статей и послесловий, сопровождающих издания произведений художественной литературы, и, что немаловажно,

как автор статей и эссе, в которых отразились его философские размышления о судьбах книги, типах читателя и характере чтения в двадцатом веке. В чем магия книги? Ведь в наше время книги сделались общедоступными, книги – даже Библия! – необычайно распространились, вошли в повседневный быт, чтение и письмо перестали быть таинствами, а книга – тайной. Почему так неожиданно порой воскресают давно и, казалось бы, прочно забытые книги и авторы, почему возвращаются в славу некогда отверженные изгнанники, почему, наконец, снова и снова находятся немногие, призванные, наделенные способностью открывать для себя магию книги и устремляющиеся в обитель духа – его храм, святилище, «где тысячи залов и притворов, где витает дух всех времен и народов, в каждый миг ожидающий нового пробуждения к жизни, чтобы стать единым целым, многоголосым хором разнообразнейших явлений»?.. И каждому истинному читателю бесконечно огромный мир книг открывается по-своему, каждый в нем ищет и находит еще и себя самого. К этим вопросам Гессе постоянно возвращался на протяжении своей долгой жизни.

После окончания гимназии Гессе работал в издательстве в Кальве, затем в книжных магазинах в Эслингене, Тюбингене и Базеле. Свою первую рецензию Гессе напечатал в 1899 г. в газете «Allgemeine Schweizer Zeitung», и с тех пор добрых полвека сотрудничал с издательствами и редакциями многих немецких, австрийских и швейцарских журналов и газет. После Второй мировой войны издательство Петера Зуркампа обратилось к нему, прославленному писателю, награжденному в 1946 г.

Нобелевской премией, с предложением составить и издать отдельный, объемистый том его критических и литературоведческих работ, но Гессе, охотно предоставивший Зуркампу свой сборник политических статей и писем («Война и мир»), наотрез отказался – в литературе его привлекало творчество, а не анализ прошлого, свою первейшую задачу он видел в создании романов, повестей, рассказов. По этой же причине и в семитомное собрание сочинений писателя, изданное в 1957 году, ни очерки о литературе, ни рецензии не были включены. Гессе уже восемьдесят, он прославленный мастер немецкой прозы, почта что ни день приносит в его дом пачки писем от читателей, на мнение Гессе то и дело ссылаются, к его авторитету апеллируют – зачастую вне контекста, неверно или неточно, или утрируя и искажая его взгляды. Публикация в собрании сочинений критических работ могла бы лишь ухудшить ситуацию, которая и без того тяготила Гессе, считавшего, что обнародовать свои индивидуальные суждения и оценки – значит навязывать их всем и каждому, а это бессмысленно, так как обречено на провал в отличие от вдумчивого и тонкого воспитания вкуса отдельной личности. В то же время в одном из очерков он настоятельно советует: если вы любите писателя, не упускайте возможности познакомиться с его письмами и дневниками, с каждой строчкой, вышедшей из-под его пера, это позволит вам лучше, глубже понять его, человека и друга, которого вы уже узнали и полюбили по его книгам. Рецензии и очерки Гессе о книгах и писателях сегодня иногда удивляют тем, насколько не похожи они на его прозу, для которой так характерна выверенная, тщательно проду-

манная композиция, многослойность и сложность, филигранная тонкость отделки. Критические работы и рецензии, таким образом, дополняют наши представления о художественном творчестве писателя, вернее открывают его интеллектуально-рационалистическую сторону. И если при жизни Гессе эти работы так и не были изданы отдельным сборником, то в двенадцатитомном собрании сочинений Г. Гессе, вышедшем в издательстве «Зуркамп» в 1970 году, впервые опубликованные предисловия и послесловия, очерки и рецензии заняли два тома. Вообще же счет их идет на тысячи, это целая история всемирной литературы, ибо круг чтения Гессе не просто широк – огромен.

В 1927 году Гессе по просьбе издательства Ф. Реклама написал очерк «Библиотека всемирной литературы», в заглавии которого поместил введенное Гете в немецкий язык и немецкую культуру понятие всемирной литературы (Weltliteratur). Гессе не только прослеживает четкую связь (зависимость) подлинной образованности человека с бесконечным изучением всемирной литературы и бесконечным наслаждением ее неисчерпаемыми богатствами, не только дает практические советы тем, кто по-настоящему глубоко хочет понять и освоить прочитанное, но и любовно «составляет» по своему вкусу идеальную библиотеку всемирной литературы.

Любовно – это слово надо считать ключевым в отношении Гессе к книгам, к тому, как их читать, как обращаться с ними, собирая у себя дома, подобно кругу подлинных добрых друзей. Примечательно, что Гессе писал литературно-критические работы исключительно о тех книгах, которые оце-

нивал положительно, – он рекомендовал их читателям, как своих хороших знакомых, иначе говоря, находил в этих книгах добрый пример и образец, нечто положительное и в этом смысле существенное и характерное для той или иной эпохи. Если книга не вызывала доброго чувства, он откладывал ее в сторону. В письме к современнику Гессе отмечает: «Видеть и подчеркивать < в книгах > положительное начало и щедрый дар всегда казалось мне главной задачей того, кто выступает как посредник между книгами и читателями. Поэтому я лишь в очень редких случаях публично высказывал свое отрицательное отношение к какой-либо книге. Если похвалить не за что, я молчу». Поэтому и некоторые написанные по заказу издательства рецензии Гессе читаются как поэтические лирические эссе, искренние признания в любви – к Новалису, Гофману, Андерсену, Стендалю, китайцам, которых Гессе, открыв для себя сравнительно поздно, ценил необычайно высоко. Вместе с тем встречаются и довольно сдержанные отзывы, такова, например, заметка о Готфриде Бенне, однако и здесь Гессе прежде всего старается вникнуть, как можно лучше понять Бенна, а самому себе объяснить, в чем же заключалась причина неприязни и каковы те условия и обстоятельства в жизни великого поэта, что лишали его «воздуха, пригодного для дыхания». Эти моменты порой открываются только при знакомстве с дневниками или письмами поэтов и писателей, и Гессе настоятельно советует издателям их печатать, читателям же – не игнорировать, а наоборот – коль скоро речь идет о любимом писателе – отдавать свидетельства «из первых рук» предпочтение перед науч-

ными монографиями или специальными критическими работами.

Его отзывы позитивны, в них не стоит искать полемику с автором. Напротив, критика эпохи сплошь и рядом находит себе место на страницах литературных заметок Гессе, и почти всюду ее предметом оказывается общий культурный и политический фон, на котором книга, составляющая собственный предмет разговора с читателем, выделяется самым выгодным образом. Принципом Гессе – говорить только о добром, вещи неудачные или такие, о каких он не хочет высказываться, он не обсуждает, категорический тон ему несвойствен – слишком часто сам он, как автор, страдал от безапелляционной самоуверенности критиков-профессионалов. При этом «ранг» писателя, его принадлежность к «первому» или «второму» ряду, не говоря уже о списках номинантов и лауреатов, ему абсолютно безразличны. Очерки и заметки Гессе знакомят с автором, побуждают к чтению, помогают сориентироваться в огромном потоке книжной продукции, причем Гессе не скрывает своего намерения обеспечить хорошей книге как можно более многочисленную читательскую аудиторию.

Выбранные для настоящего издания очерки и заметки Гессе лишь в небольшой степени отражают все богатство этого пестрого собрания. Из рецензий представлены те, в которых Гессе не ограничивается сугубо информационной, условно говоря – энциклопедической справкой о книге и авторе и – неизменно положительным – отзывом. В первую очередь интересны очерки, в которых воплощен глубокий тезис Гессе: чтение и письмо –

это магическое занятие, волшба, это процессы, благодаря которым дух овладевает природой, подчиняет себе природу. «Сегодня, – пишет Гессе в 1930 году, – все не так. Мир книги... и духа, открыт всем и каждому, – так мы думаем, – и уже нет магической ауры, уже исчезло волшебство». Не стало тайны, происходит, набирая темпы, вульгаризация духа, девальвация духовных ценностей. Безрадостная картина, но на вопрос, исчезнут ли книги, потеснят ли их кино и радио (появление новых, более хитроумных, комбинированных СМИ Гессе также предвидит), – он решительно отвечает: «Нет!» Кинематограф, радиопередачи и прочее удовлетворяют совсем другие потребности людей, прежде всего, потребность в развлечении, они служат, разумеется, и для просвещения, но все это вещи иного рода, и к книге вернуться, убежден Гессе, ее достоинство и авторитет. Потому что у книги другие задачи и другое назначение. Потому что слово, выражающее мысль, слово, облеченное в письменную форму, – это единственное средство фиксировать ход Истории и творить Историю, единственное средство самосознания, каким располагает человечество, а других средств у него нет и не будет. Что касается функций, которые радио, кино и т. п. могут присвоить себе, забрав у книги, – жалеть о них не придется, так как не они составляют ее сущность. Итак, «древнее волшебство еще живо? (...) И понятие «магия книги» не ушло в прошлое безвозвратно, не обратилось в легенду?» Конечно, нет, – отвечает Гессе, – потому что законы духа столь же неизменны, как законы природы, их нельзя «упразднить» в ходе технического «прогресса». *По существу* – пишет он, – в духовном мире ни-

чего не изменилось за то время, что прошло после перевода Лютером Библии и изобретения Гутенбергом печатного станка. Магия книги по-прежнему существует. Духом владеет группа избранных, adeptов, но это не те люди, кто правит бал в СМИ, и не те, кто формирует общественное мнение, потому что представляемые ими виды деятельности не тождественны и не могут быть тождественны творчеству. Эта мысль сказывается и в самих словах, которые Гессе использует для именованя творца. Гессе последовательно и строго разделяет понятия *Dichter*, то есть поэт, писатель, художник слова, артист, и *Schriftsteller* – литератор, писатель; есть у него в запасе еще и *Literat*, в устах Гессе – малопочтенное обозначение пишущего на потребу публике сочинителя дешевых романчиков вроде «Тарзана» (его он особенно недолюбливает). Таково неизбежное «разделение труда».

Наиболее активный период журналистской и издательской деятельности Гессе приходится на годы Первой мировой войны, которая стала для писателя глубочайшим потрясением, что, вместе с целым рядом других причин, привело в 1916–1917 годах к тяжелому душевному кризису. Как во время самой войны, так и в начале двадцатых годов, Гессе работал не щадя сил: он основал центр помощи немецким военнопленным (их было около полумиллиона человек), издавал в Швейцарии благотворительные газеты и журналы, формировал многотомные книжные серии, антологии и отдельные издания.

В это время Гессе снова и снова задается вопросом о последствиях катастрофической массовой бойни, прежде всего – ее духовных последствиях.

Сын миссионера, убежденный и страстный пацифист, он высказал свою позицию в целом ряде газетных и журнальных статей, призывая писателей и художников «не расшатывать фундамент будущей Европы». С событиями войны и революции связано пристальное внимание Гессе к России и двум гигантам ее литературы, Толстому и, особенно, Достоевскому, чье влияние ощутимо в некоторых повестях Гессе (в первую очередь это «Клейн и Вагнер», 1919). Очерки о творчестве русского писателя Гессе издал под многозначительным заглавием «Взгляд в хаос», имея в виду попытку заглянуть в новую эпоху, идущую следом за войной и революцией. Достоевский – пророк и провидец эпохи хаоса – карамазовщины. Анализируя романы Достоевского, Гессе прежде всего задается вопросом, волновавшим западноевропейскую интеллигенцию: что отличает русских от европейцев, каких угроз ждать Европе от России, что порождает хаос, который уже надвигается на добропорядочную, приверженную традициям морали и культуры Европу? Зерна «хаоса», то есть варварства и аморализма, он уверенно различает в тех моментах, когда князь Мышкин готов принять в свою душу как добро, так и зло, когда добро и зло с легкостью могут поменяться местами и все моральные ценности становятся относительными и утрачивают реальный смысл. Полное же и цельное воплощение опасного русского типа являют собой, по Гессе, братья Карамазовы, они, все четверо, вместе, в совокупности своих полярно противоположных черт, и представляют «русского человека». Хаос губителен, прежде всего для культуры, и, одновременно, плодотворен, так как из него должны ро-

даться новые формы, но он может сокрушить европейскую цивилизацию, если та не будет прислушиваться к «потаенной России» и ее «восточным» добродетелям, которые состоят в душевности, древней христианской любви и по-детски наивной жажде спасения. Мысль о недопустимости отторжения России и ее духовной культуры от Европы и единого человечества особенно отчетливо высказана в статье «Толстой и Россия». (Так рассуждал Гессе в 1915 году, в статьях же 20-х годов о Достоевском его отношение к России существенно изменилось в свете охватившего весь мир кризиса духовной культуры). Если Достоевский – пророк и провидец грядущего хаоса, то Толстой, с которым Гессе сближает нравственная беспощадность к себе (ее мы находим в повести Гессе «Душа ребенка»), Толстой, соединивший в себе противоречивые и ярко характерные русские черты, – глубокий мыслитель, неустанно борющийся за постижение истины, последним итогом которого является любовь.

Глубоки и многосторонни отзывы Гессе о современниках, писателях его поколения и более молодых, без которых мы сегодня не мыслим себе историю западноевропейской литературы. В этом плане поразительны вкус и зоркость Гессе-критика, в огромном многообразии книг и журнальных публикаций безошибочно верно выбиравшего произведения, которые впоследствии выдержали проверку временем. Так, он открыл немецким читателям Кафку и Сельму Лагерлеф, одним из первых горячо поддержал Марселя Пруста, Андре Жида, Томаса Манна, Тракля и Музиля, Георга Гейма, Элиаса Канетти, Анну Зегерс, Макса Фриша, Арно Шмидта и многих других. Особое место в гессев-

ской «истории литературы» принадлежит, естественно, немцам и австрийцам.

В ряде очерков Гессе отдал дань глубокого уважения умам, существенно повлиявшим на развитие культуры в XX веке, – достаточно назвать хотя бы такие имена, как Кьеркегор и Фрейд, Шпенглер и Эрнст Юнгер. Здесь, так же, как в литературно-критических статьях и заметках, прежде всего нас привлекают размышления большого художника и мыслителя, проницательно распознавшего многие важнейшие тенденции в развитии современной культуры.

Легко заметить, что тексты, вошедшие в этот сборник*, возникли в иной последовательности, чем та, в какой они расположены здесь. Собрание получилось чуть ли не калейдоскопически пестрым, но оно и не могло получиться иным. Как сказано, эти очерки, заметки, рецензии Гессе писал на протяжении всей своей долгой жизни, которая была бесконечным поиском духовности и открытием новых духовных миров: христианского и буддистского, даосского и индуистского, идеалов романтиков и гуманизма классиков, нравственного учения Толстого, бездн Достоевского и т. д. Некоторые очерки или заметки датированы дважды, поскольку автор возвращался к ним, подготавливая для нового издания, и это исключило хронологический принцип расположения. Лишь в некоторой

---

* Эссе «В конце года» и «Художник и психоанализ» вошли в сборник «Наблюдения» («Betrachtungen»), остальные заимствованы из подборки «О книгах и читателях», опубликованной в собрании сочинений Гессе (H. Hesse. Gesammelte Werke in 12 Bdn. Suhrkamp Verlag Frankfurt am Main 1970).

степени удалось сгруппировать тексты тематически. Наверное, вполне закономерно, что живую мысль Гессе, обращенную к книгам, их авторам и читателям, к тому же часто связанную с глубоким анализом сложнейших проблем истории и современной эпохи, невозможно втиснуть в строгие формальные рамки.

«...Будь я сегодня молод и полон сил, я не занимался бы ничем, кроме издания книг», – это написано Гессе в 1945 году. Коротко говоря, весь смысл своего творчества он видел в неустанных «трудах во имя непрерывной жизни духа».

Г. Снежинская

I

ЛЮБИМЫЕ КНИГИ

Бесконечно часто мне задавали вопрос: «Что вы любите читать больше всего?»

Нелегко ответить на этот вопрос, если любишь всю мировую литературу как таковую. Думаю, я прочитал десятки тысяч книг, иные – неоднократно, а некоторые и много раз, и я в принципе не согласился бы исключить из моей библиотеки и из области, к которой я причастен, или как-никак интересуюсь, ту или иную литературу, направление или автора. Вопрос тем не менее оправдан, и на него, пожалуй, все-таки можно дать ответ. Кто-то считает себя благодарным и нетребовательным едоком, отдающим должное и черному хлебу, и жаркому из оленины, и простой морковке, и форели, однако и у него есть три-четыре любимых блюда. Кто-то, размышляя о музыке, в первую очередь вспомнит Баха, Генделя и Глюка, однако не сбросит со счетов Шуберта или Стравинского. Вот и я, пораз-

мыслив хорошенько, в каждой литературе нахожу области, эпохи, тональности, которые мне ближе и милее всех прочих. Так, у греков Гомер мне ближе, чем трагики, Геродот – ближе, чем Фукидид. К тому же я, надо признаться, всегда, когда читаю сочинения патетические, должен что-то преодолевать в себе, и в сущности, я их не люблю, мое глубокое уважение к их авторам, будь то Данте или Гёббель, Шиллер или Стефан Георге, остается несколько принужденным.

Область всемирной литературы, что посещал я в течение моей жизни чаще и узнал лучше прочих, это литература Германии, бесконечно далекой от нас сегодня, да, пожалуй, уже ставшей легендой Германии 1750–1850 годов, столетия, центр и вершину которого являет собой Гете. В этот край, где не подстерегают меня ни разочарования, ни сенсации, я снова и снова возвращаюсь из всех путешествий по древним временам и дальним странам, возвращаюсь к поэтам и писателям, авторам писем и биографий, ибо все они – истинные гуманисты, и вместе с тем почти все они были верны духу своего народа и своей земли. Особенно живо затрагивают меня книги, если ландшафт, народ и язык в них близки и милы мне с детских лет; это чтение дарит особое ощущение счастья, так как от меня не ускользают тончайшие нюансы, легчайшие намеки, нежнейшие созвучия. Трудно и даже болезненно дается

мне расставание с такой книгой, если я принимаюсь после нее за сочинения, которые вынужден читать в переводе, или за какую-нибудь книгу, в которой не звучит эта органичная, истинная, зрелая речь и эта музыка. Конечно же, ощущение счастья дарит, прежде всего, немецкий язык южных и западных областей Германии, в его основе лежат алеманский и швабский диалекты, – достаточно назвать имена Мерике и Гебеля – но наш язык несказанно радуется мне и при чтении почти всех прочих немецких и швейцарских авторов того благословенного столетия: от молодого Гете до Штифтера, от «Юности Генриха Штиллинга» до Иммермана и Дросте-Хюльсхофф, а если огромное большинство этих великолепных, чудесных сочинений ныне прозябает лишь в нескольких общедоступных или частных библиотеках, это, по-моему, один из самых тревожных и отвратительных симптомов нашей ужасной эпохи.

Но родной народ, земля и язык – еще далеко не все в литературе, как, впрочем, и в жизни; кроме них, есть целое человечество и есть возможность, снова и снова радостно изумляющая, – в самом дальнем и самом неродном открыть родное, полюбить и близко узнать то, что прежде казалось наглухо замкнутым и недоступным. Я понял это в молодости благодаря знакомству с духовными сокровищами индийцев, а в более поздние годы – и китай-

цев. К индийцам привели меня заранее начертанные пути – ведь мои родители и дед жили там, изучали индийские языки и отчасти восприняли дух Индии. Но только прожив на свете больше тридцати лет, я узнал, что существует чудесная китайская литература и особенная, китайская ветвь человеческого рода и человеческого духа, которая стала для меня дорогой и любимой, и не только – она даровала духовный приют и вторую родину. Это было совершенно неожиданно: мне, из всей литературы Китая знавшему только «Шицзин» в переложении Рюккерта, благодаря переводам Рихарда Вильгельма и других открылся китайско-даосский идеал мудрости и блага, и без него я уже не представляю своей жизни. Мне, ни слова не понимавшему по-китайски и никогда не бывавшему в Китае, посчастливилось, ибо в китайской литературе, отделенной от нас двумя с половиной тысячелетиями, я нашел подтверждение своих догадок и обрел еще один духовный мир и еще одну родину, помимо тех, что были назначены мне рождением и родным языком. Китайские учителя и мудрецы, о которых рассказывают великолепный Чжуан-цзы, а также Ле-цзы и Мэн Кэ, оказались полными антиподами патетиков: удивительно простые, близкие к народной и будничной жизни, они не позволяли водить себя за нос и любили жизнь в добровольной безвестности, непритязательную

и скромную, а слогу их, манере выражения, изумляешься и радуешься без конца. Скажем, о Конфуции, великом противнике Лао-цзы, стороннике системы и моралисте, законодателе и охранителе нравственности, единственном из мудрецов древности, склонном к некоторой торжественности стиля, говорится: «Не тот ли он, кто знает, что дело не пойдет, и все же берется за дело?» Других примеров подобной безмятежности, юмора и простоты я в литературе не знаю. Я часто вспоминаю эти слова, а также некоторые другие изречения, когда размышляю о событиях в мире или слышу речи тех, кто намерен править миром в ближайшие годы или десятилетия, дабы довести его до совершенства. Они делают свое дело, как Конфуций, великий человек, однако не понимают, в отличие от него, что «дело не пойдет».

Нельзя мне позабыть и о японцах, хотя они не так сильно занимали меня и менее щедро, чем китайцы, давали пищу уму. В Японии, которая нам сегодня, как и Германия, представляется страной воинственной, и только, вот уже много столетий существует нечто столь великое и вместе с тем курьезное, столь одухотворенное и вместе с тем решительно, даже безоглядно устремленное к практической стороне жизни, как Дзэн, этот цветок, произрастающий также на почве буддистской Индии и Китая, но лишь в Японии расцвет-

ший во всей своей красе. Дзэн я отношу к ценнейшим благам, какие когда-либо обретали народы, ибо его мудрость и практическое значение достигают тех же высот, что у Будды и Лао-цзы. И еще, в различные, разделенные долгими паузами времена меня очаровывала японская поэзия, в первую очередь – простая форма и краткость японских стихов. Современных немецких поэтов нельзя читать, если перед тем читал японцев: наши стихи покажутся безумно напыщенными и ходульными. Японцы изобрели чудесную вещь, семнадцатисложное стихотворение, ведь они никогда не забывали, что искусству не идет на пользу, а, напротив, приносит вред, если художник упрощает себе дело. Когда-то один японский поэт написал стихотворение всего из двух строк, и сказано в нем, что в заснеженном лесу расцвели цветы на ветвях сливы. Он показал стихи ценителю, и тот сказал: «Вполне достаточно одной ветки». Увидев, насколько точно это замечание и как далеко ему самому до настоящей простоты, поэт последовал дружескому совету, и это двустихие не забыто по сей день.

Иногда мы посмеиваемся над огромным перепроизводством книг в нашей маленькой стране. Но будь я сегодня молод и полон сил, я не занимался бы ничем, кроме издания книг. Эти труды во имя непрерывной жизни духа нам нельзя отложить до того времени, когда

государства залечат раны, нанесенные войной, нельзя и заниматься этой работой второпях, идя на поводу у конъюнктуры, не заботясь о том, чтобы быть щепетильно совестливыми. Ибо для мировой литературы не меньшую опасность, чем война и ее последствия, представляют плохо и наспех изданные книги.

1945

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА